

Я инстинктивно хотел отодвинуться, но он одной рукой прижал моё плечо, лишив меня возможности двигаться.

В тот же момент тело напряглось, и моей первой реакцией было схватить его руку, ударить локтем и отстраниться...

Но было очевидно, что этот человек без труда остановит меня ещё до того, как я успею что-то сделать. У него были на это способности.

Тело оставалось напряжённым, я опустил голову, глядя на полотенце, обёрнутое вокруг ноги. Холод проникал через ткань, достигая раны, и нога онемела.

Жун Шицин, убирая аптечку, сказал без выражения:

— В тот день на дороге внезапно появились люди из семьи Линь, я с тобой был не в одной машине, поэтому велел ему сначала отвезти тебя в школу.

Неужели он не понимал, что отправил меня прямо в лапы врага?

Я не верил, что у него не было ни малейшего подозрения насчет этого охранника. Если глава семьи не замечает предательства среди своих подчиненных, то он явно не справляется со своей ролью. Скорее всего, он использовал ситуацию, чтобы проверить предателя. Если бы тот действительно был изменником, он бы воспользовался возможностью передать меня людям Линь, а если нет, то просто доставил бы меня в безопасное место.

Его объяснение казалось мне крайне неубедительным. Ведь я не четырнадцатилетний ребёнок.

Он закончив с аптечкой, произнёс, словно пытаюсь меня утешить:

— Нельзя быть мягким с врагами.

Очевидно, он подумал, что я расстроен из-за того, что он убил охранника.

Хотя я не отрицал его слов, я знал, что он не только безжалостен к врагам, но и к своему сыну.

Этот человек силён, хитроумен и обладает отличными навыками. Если бы это тело не было уже занято моей душой, четырнадцатилетний ребёнок, несомненно, попал бы под влияние его слов.

Хотя я всё ещё чувствовал гнев, я ясно понимал, в чём заключалась наша разница.

Он, очевидно, вырос в такой среде, сталкиваясь с бесчисленными опасностями, и привык к такому образу действий, скрываясь за кулисами семьи Жун и ведя её к процветанию. Я же был другим. Я вырос в обычной семье, не зная, кто мои настоящие родители, до восемнадцати-девятнадцати лет. Когда мой отец наконец нашёл меня, то лишь для того, чтобы я вернулся и унаследовал семейный бизнес.

Я считал себя образованным человеком, никогда не любил насилие, всё делал по правилам, и, хотя иногда приходилось решать конфликты мирным путём, за двадцать лет я лишь трижды был вынужден вступить в схватку, убив пять-шесть человек для устрашения. Хотя внешне я выглядел спокойным, внутри я долго мучился. Когда мой отец, окружённый множеством любовниц, наконец скончался, вся тяжесть ответственности легла на меня, и к тому времени было уже слишком поздно уйти.

Другими словами, мне была уготована судьба богатства, но я не смог насладиться ею.

В прошлой жизни моя грудь была изрешечена пулями, а в этой, всего через месяц, я снова был ранен и чуть не попал в плен.

Я чувствовал себя подавленным, предвидя, что жизнь в будущем станет ещё более беспокойной.

Когда два дула пистолетов нацелились на меня, у меня промелькнула мысль, что смерть, возможно, была бы избавлением. Но теперь я так не думал.

Особенно после того, как снова обрёл здоровые ноги.

Жизнь прекрасна, и только тот, кто однажды умер, может это понять.

Мышцы, напряжённые от стресса, начали неметь. Я слегка вытянул ногу.

Жун Шицин убрал пакет со льдом и задумчиво посмотрел на меня.

Я сделал вид, что не замечаю его взгляда, продолжая play роль четырнадцатилетнего ребёнка с психологическими проблемами, отказывающегося от общения с внешним миром. Молча я откинул одеяло, залез под него и натянул его на голову.

— Нельзя отрицать, что многие люди любят так делать не просто так. Это действительно даёт чувство безопасности.

Но тут же одеяло было сдернуто.

Я сжал кулаки, сел, не глядя на него, и снова улёгся, натянув одеяло.

На этот раз он лишь слегка опустил одеяло, накрыв меня до плеч.

Я невольно втянул голову.

Аптечка снова была открыта, он достал спрей, открыл крышку и брызнул мне на шею:

— Не двигайся.

Острая боль мгновенно пронзила нервы, шея горела. Я почти забыл, что на шее остались следы от царапин...

Увидев моё гримасничающее лицо, он спросил:

— Больно?

— ... Попробуй сам, зачем спрашиваешь.

Я промолчал.

Он убрал руку, взял аптечку и молча вышел, его облик уже не был таким мягким, как раньше. Тёплые тона одежды не смягчали его явного давления.

Терпение закончилось.

Все эти перевязки, лёд, лекарства — всего лишь поверхностные попытки успокоить и проявить заботу. Но когда они не получают ответа, терпение, конечно же, заканчивается.

В обычных семьях связь между людьми поддерживается благодаря кровным узам. В таких семьях, как Жун и Гу, единственное преимущество крови — это сохранение богатства в семье.

Все мои психологические проблемы и замкнутость как четырнадцатилетнего ребёнка для Жун Шицина, как отца, значили куда меньше, чем его гордость и самолюбие. Всего три попытки утешить, не получившие ответа, — и его терпение иссякло.

Его попытки показать отцовскую любовь, по сути, были ничем иным.

Наконец дверь закрылась, и мир стал спокойным.

Проснувшись, я скучающе лежал на кровати, слушая, как за окном продолжается дождь, идущий уже несколько дней.

До девятнадцати лет я жил в Лондоне, и, спустя двадцать лет, вернувшись в эти края, я чувствовал себя как дома. Лондон окутан дождями и туманами, а его жители обожают жарить мясо летом, поэтому прогноз погоды здесь имеет большое значение. Однако в Лондоне дождь может начаться в любой момент, и прогнозы не всегда точны. Нередко случалось, что по прогнозу обещали солнечный день, а на следующий день шёл дождь.

Местные жители дружелюбны и остроумны, при встрече они с улыбкой спрашивают:

— Ты сегодня промок?

Я даже помню, что на углу улицы, где я жил, была кондитерская, владелица которой обожала делать клубничные торты. Моя приёмная мама любила её торты и всегда просила меня купить ей клубничный чизкейк по дороге домой. Дочь владелицы была на два года младше меня, училась в той же школе, что и я. У неё были мягкие светлые волосы, типичные европейские черты лица, но с азиатской скромностью и застенчивостью. Когда она нервничала, она слегка прикусывала нижнюю губу, выглядя как испуганный кролик.

Я заботился о ней как о младшей сестре, каждый день ездил с ней на школьном автобусе, а в свободное время гулял с ней. Она любила фотографировать, и я накопил денег, чтобы купить камеру и снимать её. В глазах одноклассников наши отношения не отличались от отношений влюбленных.

Год спустя я поступил в университет, но всё равно находил время, чтобы навещать её, и праздновал с ней Рождество.

Но когда я покидал Великобританию, это произошло так быстро, что я даже не успел попрощаться с ней. Мой отец, наконец узнав, что у него есть сын, поспешно отправил своих людей, чтобы те забрали меня обратно в Китай.

Прошло двадцать лет, и её образ в моей памяти уже стал размытым.

Если бы мой отец не узнал обо мне, я бы продолжил жить с приёмными родителями, возможно, женился бы, завёл детей и имел счастливую семью.

И не был бы похож на моего отца, который всю жизнь жил в постоянной готовности защищаться и нападать.

Моя прошлая жизнь чётко разделилась на две части: первые двадцать лет были свободными и счастливыми, а следующие двадцать были наполнены всем, что я ненавидел, преследовавшим

меня до самой смерти. Каждый раз, вспоминая дни, проведённые в семье Гу, я испытывал отвращение к этим так называемым великим семьям, желая держаться от них как можно дальше.

За окном дождь внезапно прекратился.

В Лондоне нужно ценить каждый солнечный день. Взбодрившись, я отбросил все тревоги, встал с кровати, надел свободную одежду и спустился вниз.

<http://bllate.org/book/16596/1516569>